

Человек-вихрь. К 90-летию Юлиана Семенова

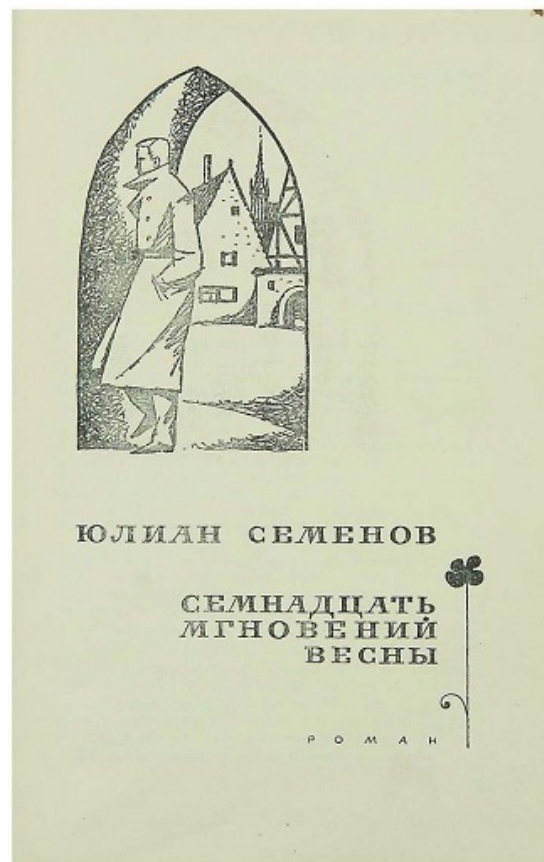
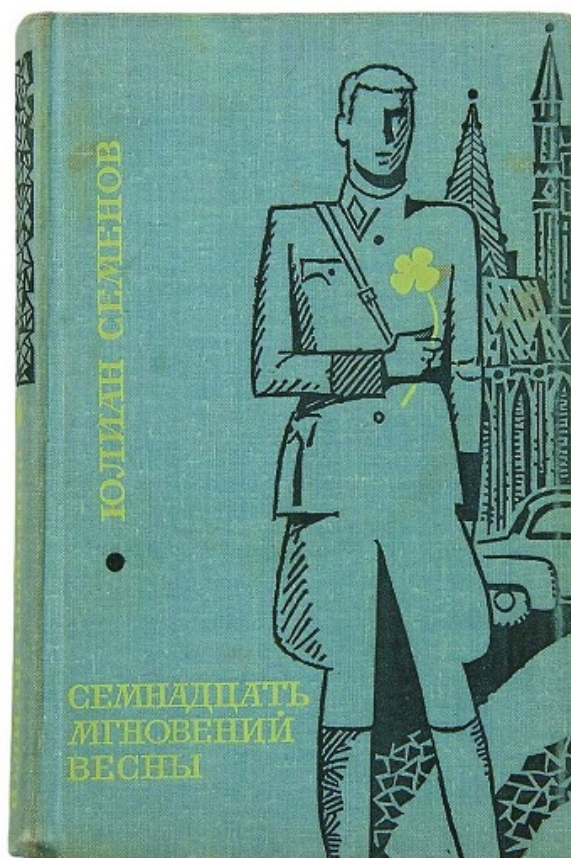

Юлиан Семенов

Он учился в Московском институте востоковедения. Собирался стать специалистом по Ближнему Востоку, а стал одним из самых известных советских журналистов. Преподавал в МГУ пушту, но преподавателя из него не вышло, зато получился популярный писатель и сценарист. Собкором «Правды», «Огонька», «Литературной газеты» он работал во Франции, Германии, на Кубе и в Латинской Америке. Военкором прошел Вьетнам, Анголу, Никарагуа, Афганистан... Объездил полмира, встречался с политиками, дипломатами, миллионерами, людьми искусства и нацистскими преступниками. Во Вьетнаме его принимал Хо Ши Мин, во Франции — Марк Шагал, в Чили — Сальвадор Альенде и Луис Корвалан, в Америке — Дэвид Рокфеллер и Эдвард Кеннеди. Ему удалось взять интервью у личного архитектора Гитлера Альберта Шпеера, генерала СС Карла Вольфа, по приказу Гиммлера установившего в марте 1945-го контакты с американцами, и у любимца фюрера Отто Скорцени, готовившего в 1943-м покушения на Сталина, Рузвельта и Эйзенхауэра в Тегеране.

Как писатель он стал известным в 1960-х — 1970-х после остросюжетных повестей и романов о «доблестной советской милиции» — «Петровка, 38», «Огарёва, 6», «Противостояние» — и не менее доблестных разведчиках, действующих в романе «Майор «Вихрь», которые должны предотвратить уничтожение Кракова.

Слава обрушится на него в 1973-м, когда по другому его роману «[Семнадцать мгновений весны](#)», режиссер Татьяна Лиознова снимет одноименный фильм.

Одно из первых изданий романа «Семнадцать мгновений весны», 1970

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!»

Здесь все совпало — и литературная основа, и то, что за экранизацию взялась Татьяна Лиознова, пригласившая лучших актеров того времени. Угадала она и с музыкой, которую специально для фильма написал Микаэл Таривердиев. Фильм потрясал не только великолепной режиссурой и отличной игрой, но и эстетикой, которая, по мнению Лиозновой, была присуща нацистской Германии и которую ей не раз ставили в упрек.

Премьерный показ должен был состояться в День Победы в мае 1973-го, но Брежнев собирался нанести визит в ФРГ, и премьеру перенесли на август, возможно, не захотели напоминать дружественно настроенному к СССР канцлеру Вилли Брандту о войне.

Вокруг «Семнадцати мгновений» сразу же возникло много слухов. Главный из них: фильм запустили в производство с одобрения самого председателя КГБ Юрия Андропова. Однако, несмотря на близость Юлиана Семенова к комитету и знакомство с его главой, это был всего лишь вымысел. А вот то, что фильм под псевдонимом С. К. Мишин консультировал заместитель Андропова — генерал-полковник Семен Кузьмич Цвигун, чистая правда. Цвигун питал склонность к изящной словесности, был автором книжек под интригующими названиями «Тайный фронт», «Возмездие» и, очевидно, считался специалистом по литературе и кинематографии. Кстати, по Москве в те годы ходила такая история. Директор картины Ефим Лебединский приглашал в статисты своих знакомых, и у всех как на подбор была явно неарийская внешность. Цвигун в разговоре с Лиозновой однажды заметил: «Татьяна Михайловна (по отцу она была Моисеевна), у нас фильм про немецкую армию или про израильскую?» После чего статистов заменили курсантами военных училищ из Прибалтики.

Семен Цвигун

Вячеслав Тихонов в роли Штрилица

Благодаря характерам, искусно выписанным Юлианом Семеновым, четко выверенной режиссуре Лиозновой и блестящей игре Тихонова, Броневого, Табакова и далее по списку главные герои получились не карикатурными, а умными, рассудительными и сметливыми врагами. Партия и правительство высоко оценили картину: в 1976-м ее создатели были удостоены Государственной премии СССР, а через два года — премии КГБ.

Помните реплику Мюллера: «А вас Штирлиц, я порошу остаться!»? Не только она ушла в народ — многие фразы разлетелись на цитаты. Что касается Штирлица, то он надолго стал героем анекдотов. Один из них особенно любил Вячеслав Тихонов: «Штирлиц просыпается в камере с дикой головной болью и думает: «Если я у наших, то Исаев, если у немцев — Штирлиц» . Тут входит участковый со словами: «Вячеслав Васильич, ну нельзя же так надираться».

«Зачем вам быть Ляндресом?»

Когда Семенов был еще Юлианом Ляндресом, страстно желавшим стать писателем, то предложил рукопись в один из журналов. Редактор сказал то, что обычно говорят в подобных случаях: «Оставьте, я обязательно прочту, зайдите через неделю».

Когда начинающий писатель зашел, редактор уже разговаривал по-другому: «Вы написали хорошую повесть, думаю, из вас что-то получится». Затем помолчал и добавил: «Но зачем вам быть Ляндресом?» Автор внял совету и взял псевдоним, образованный от имени отца — человека весьма известного в политических и журналистских кругах.

Юлиан Семенов с отцом

Семен Ляндрес дружил с Николаем Бухариным, был его правой рукой в «Известиях» — ответственным секретарем. Когда Бухарина расстреляли как «врага народа», случайно уцелел. Его арестовали во время войны, но вскоре выпустили. Второй раз взяли в 1952-м, к тому времени он был одним из основателей Издательства иностранной литературы, недолго проработал его главным редактором. Обвинили — через 15 лет (!) — в «пособничестве троцкистскому диверсанту Бухарину» и впаяли по 58-й статье («контрреволюционные действия») восемь лет исправительно-трудовых лагерей.

В том же году сыну настоятельно рекомендовали отречься от отца. Юлиан возмутился, от отца не отрекся, за что и был выгнан из комсомола и университета. Дело могло кончиться арестом, но вождь почил в бозе, «оттепель» вернула отца из лагерей, а сына — в университет. В конце 1950-х Семен Ляндрес стал заместителем директора Гослитиздата, в эти же годы Юлиан Семенов приобретает известность как журналист и писатель.

Лицом к лицу

С Отто Скорцени ему устроили встречу в Испании в 1974-м. Представляете: чистокровный еврей Юлиан Семенов и чистокровный ариец Отто Скорцени. В Мадриде. Лицом к лицу. Можно представить, что чувствовал советский журналист, но что испытывал бывший оберштурмбаннфюрер СС? В 1938-м во время «Хрустальной ночи» он присвоил себе богатую виллу, а ее хозяина отправил в небытие. В 1943-м по личному приказу Гитлера освободил Муссолини из заключения в Апеннинах, а в 1944-м похитил венгерского регента Хорти, собиравшегося сдаться наступающим советским войскам. Это он — начальник секретной службы СС в VI отделе Главного управления имперской безопасности — разрабатывал операцию «Длинный прыжок» с целью ликвидации Сталина, Черчилля и Рузвельта. Это он за месяц до гибели Третьего рейха обеспечивал для нацистской верхушки безопасность «Альпийской крепости» — Центра управления в труднодоступных горах Тироля.

Одному из главных нацистских преступников удалось избежать Нюрнберга, правда, в 1948-м его арестовали новые германские власти, но узнику удалось бежать и поселиться во франкистской Испании.

Отто Скорцени

Скорцени с освобожденным из заключения Бенито Муссолини

«Человек со шрамом», как называли его в Германии (шрам пересекал левую щеку), согласился на встречу с гостем из Москвы и принял его на последнем этаже своего мадридского дома. О подробностях написала Ольга Семенова в книге об отце: «Они начали разговор в семь часов вечера, а закончили в третьем часу ночи, в фешенебельном ресторане, хозяин которого приветствовал Скорцени нацистским вскидыванием руки. В течение пяти часов Скорцени много курил, много пил и много врал. Он уверял отца, что не знал лично ни Барбье, ни Менгеле, ни Рауфа. Постоянно подчеркивал, что он — «зеленый СС», а значит, боец, и не имел ничего общего с «черными эсэсовцами». Скорцени подтвердил, что Гитлер ежедневно (!) принимал 45 различных таблеток. Но стоило отцу заговорить о Мюллере — закрывался. Это утвердило папу в мысли, что тот в 1945-м выжил и сбежал в Латинскую Америку.

Скорцени повторял рефреном: «Фюрера обманывали!» — и этим до странного напомнил папе старых сталинистов, кричавших: «Сталин ничего не знал о злодеяниях!». Эта встреча в который раз подтвердила отцу: сталинизм и гитлеризм — суть две стороны одной медали. На следующее утро после встречи Скорцени прислал папе свою книгу мемуаров с автографом».

Семенов рассказал об этой встрече в книге «Лицом к лицу», которую издал лишь в 1988-м.

«Агент 001»

Любимой забавой советских писателей, оказавшихся на Западе, было разоблачать друг друга и обвинять в работе на КГБ. Разоблачали не только тех, кто бежал или эмигрировал, но и тех, кто остался, среди них — и автора гимна Сергея Михалкова, и даже поэта-пародиста Александра Иванова. Вряд ли это было правдой, система госбезопасности была наглухо закрытой. Вряд ли кто-то из разоблачителей уверенно мог говорить о других — только о себе. Так и поступил Анатолий Кузнецов, выступивший с сенсационным признанием о своем сотрудничестве с КГБ и у которого достало совести признаться, что его доносы на Евтушенко, Аксёнова и Гладилина представляли собой не более чем «развесистую клюкву».

Юлиана Семенова почти в каждом интервью спрашивали: «Правда, что вы — полковник КГБ и агент 007 русских?» Автор «Штирлица» отшучивался: «Во-первых, уже не полковник, а генерал. А во-вторых ...на порядковый номер 007 я не согласен. Я — агент 001!» Но и в Москве в литературной среде ходили истории о его связях с КГБ — многие прямо называли создателя Штирлица закадычным другом Андропова.

Пишущая машинка Юлиана Семенова

Юлиан Семенов в общепринятом смысле «агентом КГБ» не был. Он был так называемым агентом влияния. Несмотря на то, что произошло с его отцом, несмотря на то, что произошло с ним самим, он, по словам дочери, «верил в социализм с человеческим лицом, хотя никогда не состоял в партии». «Он был на короткой ноге с Андроповым — тот часто помогал отцу, в том числе в работе с архивами, — продолжает Ольга. — И говорил, что гораздо лучше дружить с чекистами, нежели быть преследуемым ими». И еще одно признание дочери, сделанное уже в новую эпоху: «Он был добровольным и полезным проводником в жизнь некоторых идей. Идеи эти были ложными. Он это, возможно, понимал, но остальные идеи казались ему еще хуже».

Ольга Семенова отца оправдывает (на то она и дочь): «Активный, деятельный, амбициозный человек в позднесоветские времена видел перед собой два варианта: либо эмигрировать, либо встраиваться». Эмигрировать он не хотел, предпочел встроиться. Каждый, как известно, выбирает для себя. Он выбрал, «понимая, что в СССР есть одна организация, которая действительно может всё и притом не до конца еще отравлена миазмами разлагающегося проекта. С этой организацией он не сотрудничал, конечно, напрямую, но Андропова считал самым, если не единственным, умным человеком в ЦК (что правда) и верил, что его правление может спасти страну от деградации (что неправда)».

От себя добавлю: Юлиан Семенов был революционным романтиком и разделял все идеи шестидесятников, главная из которых была: Ленин хороший, Сталин — плохой.

Детектив и политика

В 1985-м Горбачев объявил перестройку. В это время Семенов продолжал работать над романами «Экспансия», «ТАСС уполномочен заявить — 2», третьей книгой романа-хроники «Горение», киносценарием «Пресс-центр». В 1986-м по его предложению была основана Международная ассоциация детективного и политического романа (МАДПР). Учредительный форум проходил в Акапулько, его избрали президентом ассоциации.

Могила-кенотаф Юлиана Семенова

Вход в музей Юлиана Семёнова, пос. Олива

Издательское дело было не бизнесом — Ольга Семенова неоднократно повторяла, что акции еженедельника «Совершенно секретно», основанного отцом в 1989-м (он же придумал название), были поровну распределены между всеми сотрудниками — он сделал их совладельцами, назначив себе символическую зарплату в один рубль. А сам Юлиан Семенов в том же 1989-м говорил, что и ассоциацию, и издательство он создавал ради обретения свободы.

Инсульт разбил его в 1990-м, после поездки в Германию и Францию. Три года писатель мужественно боролся с болезнью. Ему пытались помочь в клинике в Инсбруке, в кремлевской больнице, но... Он умер 15 сентября 1993-го и был похоронен на Новодевичьем кладбище, предназначенном для захоронения известных людей*.

Геннадий Евграфов, «Еврейская панорама»

*Речь идет о кенотафе, прах писателя, согласно его завещанию, был развеян над Черным морем